

АННА АХМАТОВА В ОБЪЕКТИВЕ НИКОЛАЯ ПУНИНА

Выставка уникальных фотографий в «Нашем наследии»

Антон Васильев
Фред Гринберг (фото)

В ВЫСТАВОЧНОМ ЗАЛЕ журнала «Наше наследие» в рамках Фотобиеннале-98 открылась выставка фотографий Николая Николаевича Пунина (1888–1953), мужа Анны Ахматовой с 1923 по 1938 год, искусствоведа, художественного критика, автора вышедших до 1917 года книг «Японская гравюра» и «Андрей Рублев», послереволюционных «Татлин», «Современное искусство», «Новейшие течения в русском искусстве», учебника по истории западноевропейского искусства и многих других работ.

По своему уникальная судьба Пунина укладывается в стандартный путь российского интеллигента начала XX века. Блестящий филолог, литератор, сотрудничавший с «Аполлоном», после революции становится комиссаром при Русском музее и Эрмитаже. Именно ему принадлежит честь основания Отдела новейших течений в Русском. С 1918-го заведует Петроградским отделом изобразительных искусств, преподает в высших учебных заведениях. Дважды арестовывался. Во второй раз погиб в заключении. До сих пор наследие его не опубликовано в полной мере.

Если Николаю Николаевичу посвящены многие строки Ахматовой («От тебя я сердце скрывала», «Уводили тебя на рассвете», «Не недели, не месяцы — годы» и др.), то главная героиня пунинских фотографий, конечно же, сама Анна Андреевна. На хранившихся в семье наследников Пунина фотопластинках запечатлена Ахматова, которой мы почти не знали.

Иконография Ахматовой — тема отдельного большого разговора. Она одна из интереснейших моделей XX столетия. Ее писали Модильяни и Анненков, и Осмеркин... Век мирового изобразительного искусства был бы не полон без портретной галереи Ахматовой, буквально трансформировавшей собою видение каждого из писавших ее художников. Язык не поворачивается выговорить про Ахматову «фотомодель», но для выставки в «Нашем наследии» уместно и это слово. И как диктовала она позу живописцам, так и в фотографических портретах сквозит властная режиссура поэта. Многие из представленных

Анна Ахматова в жемчугах.

В одном из залов выставки.

Анна Каминская на фоне работ деда.

Ахматова с сыном и матерью расстрелянного поэта.

фотографий публиковались фрагментарно, обрезанно, ретушированно, слепо. И никогда — в столь полном объеме. Фотографический проект «Нашего наследия», охватывающий в основном десятилетие начиная с середины 20-х восполняет традиционную лакуну между ранними и поздними фотопортретами поэта и — в прямом смысле слова — отпечатками окружавшего Ахматову Петрограда, ступающего в плотный мир сталинского Ленинграда.

Во всем — приметы рухнувшей старой и ступки новой жизни. Вот Зимний Шереметевский дворец, вот сад Фонтанного дома, вот «Прачечный дом» на Фонтанке, 2, где Анна Андреевна некоторое время квартировала у Глебовой-Судейкиной. Вот Ахматова на знаменитой «гумилевской» скамье, под узловатым, кражистым деревом. Странно, но в фокусе именно изборожденная кора старого ствола, а лицо Ахматовой словно бы в ауре нездешнего. Здесь Николай Степанович впервые признался в любви юной Анечке Горенко. А вот она же во всей женской, поэтической, почти демонической силе — шея обвита привезенными Пуниным из Японии жемчугами... Рядом уникальная, в традиции старинного семейного портрета фотография Ахматовой с сыном, подростком еще Львом Гумилевым и бабушкой — приехавшей из Бежецка матерью Николая Степановича Гумилева. Есть и фотографические работы самой Ахматовой. Там — Пунин, в кабинете, на улице, у парадного... Они снимали друг друга. Вот автопортрет: двойной портрет, подсвеченный солнцем...

Подготовила выставку внучка Пунина Анна Генриховна Каминская. Именно она сопровождала Анну Андреевну в английской поездке, именно она была с ней в последний день... Кстати, Анна Каминская вспоминает, как девочкой, в день шестилетия, получила в подарок от Анны Андреевны фотографию — может быть, первую в жизни: Ахматова в саду... Тогда ей было не ясно, зачем фотографии дарить.

Спустя многие годы нам подарена бесценная возможность не только еще раз взглянуть на дорожные каждому культурному русскому сердцу лица, но и осознать необходимость ежечасного — в мелочи, мимолетном жесте, слепке, снимке — творения судьбы и жизни. Чтобы помнили.